

DOI: 10.25629/HC.2026.07.02

УДК: 94 (497.1)

ВАК: 5.6.2. Всеобщая история

Путятин Владимир Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, putatin@mail.ru

«Свобода как условие нации»: политические воззрения и деятельность Йована Рашковича в 1990-1991 гг.

Аннотация

Статья посвящена политическим взглядам и деятельности Йована Рашковича – лидера сербов Хорватии, основателя и председателя Сербской демократической партии (СДП) – в ключевой период 1990–1991 гг., когда югославский кризис вступил в свою наиболее острую фазу. Цель исследования – комплексный анализ политических взглядов Рашковича в указанный период. На основе широкого круга источников, включая различные документы Сербской демократической партии, публичных выступлений Й. Рашковича и оценки современников, автор анализирует эволюцию взглядов и стратегию сербского лидера в условиях нараставшего межнационального противостояния. Методологическая основа работы включает комплекс исторических методов: историко-сравнительный метод используется для сопоставления программных установок СДП и ХДС; источниковедческий анализ применяется при работе с документами СДП и с другими сербскими политическими институтами; проблемно-хронологический метод обеспечивает последовательное изложение событий 1989–1991 гг. В статье показано, что Рашкович последовательно выступал за мирное решение сербского вопроса через предоставление культурно-территориальной автономии сербскому населению в рамках Хорватии при сохранении федеративной Югославии. Однако курс хорватского руководства во главе с Ф. Туджманом на создание унитарного государства, закреплённый принятием конституции 1990 г., делал компромисс невозможным.

Ключевые слова

Йован Рашкович, Сербская демократическая партия, Хорватия, распад Югославии, сербский вопрос, национальная автономия, Франьо Туджман, Краина

Putyatin V.S., Candidate of Historical Sciences (Ph.D. in History), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, putatin@mail.ru

"Freedom as a Condition of the Nation": Political Views and Activities of Jovan Rašković in 1990–1991

Abstract

The article examines the political views and activities of Jovan Rašković – the leader of the Serbs in Croatia, founder and chairman of the Serbian Democratic Party (SDS) – during the crucial period of 1990–1991, when the Yugoslav crisis entered its most acute phase. The aim of the study is a comprehensive analysis of Rašković's political views in this period. Drawing on a wide range of sources, including various documents of the Serbian Democratic Party, Rašković's public speeches, and assessments by contemporaries, the author analyses the evolution of the Serbian leader's views and strategy amid growing interethnic confrontation. The methodological framework of the study comprises a set of historical methods: the historical-comparative method is used to compare the programmatic platforms of the SDS and the Croatian Democratic Union (HDZ); source analysis is applied to the documents of the SDS and other Serbian political institutions; the problem-chronological method ensures a sequential presentation of events from 1989 to 1991. The article demonstrates that Rašković consistently advocated for a peaceful resolution of the Serbian question through the granting of cultural-territorial autonomy to the Serbian population within Croatia, while preserving federal Yugoslavia. However, the course pursued by the Croatian leadership under F. Tuđman toward the creation of a unitary national state, enshrined in the adoption of the 1990 constitution, made compromise impossible.

Keywords

Jovan Rašković, Serbian Democratic Party, Croatia, dissolution of Yugoslavia, Serbian question, national autonomy, Franjo Tuđman, Krajina

Введение

Распад Югославии в начале 1990-х гг. стал одним из ключевых событий новейшей истории Европы, ознаменовавшим собой крушение коммунистической системы и сопровождавшимся серией межнациональных конфликтов, один из которых произошел на территории Хорватии. Важнейшим действующим лицом этих событий со стороны хорватских сербов выступил Йован Рашкович – психиатр из Шибеника, основатель и бессменный председатель Сербской демократической партии (СДП). Цель настоящего исследования – комплексный анализ политических воззрений и деятельности Рашковича в 1990–1991 гг. в контексте распада Югославии и нараставшего межнационального противостояния в Хорватии. Несмотря на обилие работ по югославскому кризису, специальных исследований, посвящённых непосредственно политической биографии Рашковича, его стратегии, эволюции взглядов и роли в переговорном процессе с хорватским руководством, практически нет: в трудах Д. Биланджича [1], Е. Ю. Гуськовой [2], А. А. Пивоваренко [3] и других историков фигура Рашковича рассматривается во многом фрагментарно, в контексте более общих проблем; единственная статья российского исследователя А. В. Смирнова, посвященная политическим воззрениям Й. Рашковича и его участию в обще-

ственно-политической жизни Югославии ограничивается 70-ми гг. XX в. [4], тогда как ключевой для судеб сербского народа в Хорватии период 1990–1991 гг. остаётся за её пределами. Научная новизна исследования состоит в том, что в нём впервые на основе широкого круга источников – документов СДП и сербских политических институтов, стенограмм выступлений Рашковича, его эпистолярного наследия и оценок современников – реконструируется целостная картина политической эволюции Рашковича от умеренного сторонника автономии сербов в рамках Хорватии до лидера, допустившего радикализацию риторики вплоть до идеи отделения сербских территорий.

Методы

Методологическая основа работы включает комплекс исторических методов, каждый из которых применяется для решения конкретных исследовательских задач. Проблемно-хронологический метод обеспечивает последовательное изложение материала и позволяет структурировать статью в соответствии с логикой развития событий: от предыстории югославского кризиса (1989 г.) через создание СДП, выборы, конституционные изменения, переговорный процесс и провозглашение САО Краины (декабрь 1990 г.) к радикализации позиции Рашковича в начале 1991 г. и его отходу от активной политической деятельности в Хорватии. Этот метод даёт возможность не только зафиксировать последовательность событий, но и выявить причинно-следственные связи между ними – например, как конституционные поправки повлияли на эскалацию требований сербов и как неудачные переговоры с Туджманом подтолкнули Рашковича к изменению его публичной риторики.

Историко-сравнительный метод используется для сопоставления программных установок Сербской демократической партии (СДП) и Хорватского демократического содружества (ХДС), что позволяет выявить принципиальные различия в их подходах к национальному вопросу, государственному устройству и пониманию демократии в широком смысле слова. На основе этого сопоставления автор противопоставляет формулу Рашковича («свобода как условие нации») хорватскому подходу, превращавшему «нацию в условие свободы», что даёт возможность глубже понять идейные истоки конфликта. Кроме того, сравнительный анализ применяется для сопоставления конституционных положений Хорватии (поправки лета 1990 г. и «рождественская» конституция декабря 1990 г.) с требованиями СДП о предоставлении сербам культурно-территориальной автономии, что позволяет наглядно продемонстрировать не только разные взгляды, но и выявить логику принятия тех или иных решений и их последствий.

Источниковедческий анализ составляет основу эмпирической базы исследования. Автор привлекает и критически анализирует широкий круг источников различного происхождения. Во-первых, это официальные документы сербских политических институтов (решения Скупщины общины Книн, Декларация о суверенитете и автономии сербского народа в Хорватии, документы, связанные с деятельностью Сербской демократической партии), а также правоустанавливающие документы республики Хорватия (Амандманы LXIV–LXXV от 25 июля 1990 г. и «рождественская» конституция от 22 декабря 1990 г.). Во-вторых, это стенограммы выступлений Йована Рашковича на различных форумах – от учредительного собрания СДП в Книне 17 февраля 1990 г. до заседания партии в Шибенике 29 января 1991 г., что позволяет проследить эволюцию его риторики и политических требований. В-третьих, это эпистолярное наследие самого Рашковича («Luda zemlja»), дающее уникальную возможность реконструировать его субъективное восприятие событий, мотивацию поступков и личные переживания. В-четвертых, это оценки современников и историков (Д. Биланджич, С. Шувар, Е. Ю. Гуськова, А. В. Смирнов и др.), которые позволяют взглянуть на деятельность Рашковича с разных позиций и выявить дискуссионные моменты. Отдельно анализируются конституционные акты Хорватии – Амандманы LXIV–LXXV от 25 июля 1990 г. и «рождественская» конституция от 22 декабря 1990 г., – что даёт возможность объективно оценить правовые изменения, затронувшие статус сербского населения.

Результаты и их обсуждение

Распад Югославии был напрямую связан с крушением коммунистической системы в Восточной Европе и СССР в 1989–1991 годах; в то же время, это стало результатом системного кризиса, в котором оказалась страна после смерти её многолетнего политического и государственного лидера И. Б. Тито. Во второй половине 1980-х гг. Сербия под руководством Слободана Милошевича начала проводить собственную политику, направленную на централизацию управления в рамках республики (вопросы Косова и Воеводины), а также потребовала изменения федеральной конституции, что привело к усилению межреспубликанских противоречий.

Как отмечал хорватский историк Д. Биланджич, в это время «у Хорватии не было руководства, достойного такого великого социального переломного момента» [1, s. 743]. К тому же внутри Союза коммунистов Хорватии также отсутствовало единство. С одной стороны, сформировалось реформаторское крыло, которое осознало необходимость отказа от устаревшей партийной программы и перехода к демократическим преобразованиям. Его наиболее заметными представителями были Драго Димитрович и Целестин Сарделич [1, s. 744]. Им противостояло консервативное крыло, сохранявшее сильные позиции в Центральном комитете, правительстве и парламенте; именно это крыло несло ответственность за многолетнюю «хорватскую тишину» и пассивность. Консерваторы выступали против реформ, но были слабы и внутренне раздроблены: одни опасались, что многопартийность приведёт к реваншу правых сил, особенно проушташских элементов; большинство же сербских руководителей вообще не мыслили своего существования вне Югославии. Впрочем, некоторые из них (например, Балтич и Драгосавац) решительно осуждали Милошевича и его «великосербскую экспансию», поскольку понимали, что такая политика ведёт к развалу страны и ставит под угрозу само выживание сербов в Хорватии [1, s. 744].

Ещё 2 февраля на философском факультете в Загребе было основано «Объединение за югославскую демократическую инициативу» (UJDI). Власти не возражали против этого из-за его проюгославской ориентации, но это также открыло путь для других инициатив. Сразу после этого, 28 февраля 1989 г., Франьо Туджман на собрании Союза писателей изложил программу создания Хорватского демократического союза (HDZ). 3 марта 1989 г., в свою очередь, прошло заседание Инициативной группы по созданию Хорватского социал-либерального альянса (HSLS), который 20 мая 1989 г. был официально зарегистрирован в качестве первой политической партии. Постепенно новые политические движения стали всё более активно заявлять о себе. В октябре 1989 г. множество граждан подписали петицию за возвращение памятника бану Елачищу, что стало первым массовым выражением требований о независимости Хорватии [3, с. 83]. Кульминацией движения за многопартийность стала «революция свечей» 10 декабря, когда оппозиционные партии собрали подписи за свободные выборы, а в тот же вечер власти неожиданно объявили о проведении досрочных выборов на всех уровнях.

Одним из ключевых событий того времени стал XIV (Чрезвычайный) съезд Союза коммунистов Югославии (СКЮ), проходивший с 20 по 22 января 1990 г., на котором предполагалось решить несколько ключевых вопросов, касавшихся будущего как самой партии, так и страны. Однако съезд превратился в арену острейших разногласий. В знак протеста вслед за представителями Словении съезд покинули делегации Хорватии. «Временно» работа съезда была прекращена, однако он так и не был возобновлен. При условии, что чрезвычайный съезд должен был разрешить ряд вопросов, стоявших перед Югославией, но разногласия между делегатами ознаменовало фактический конец существования единого СКЮ и, как следствие, ускорило распад Югославии. Произошедшее в Белграде не могло не усилить тревожные настроения среди сербов, проживавших в Хорватии, которые начали размышлять о создании собственного политического объединения. 27 января 1990 г. в мотеле Каменско в Донем-Лапце состоялось собрание ряда политических деятелей сербов, принявших решение о выдвижении на пост лидера создаваемой партии Йована Рашковича, психиатра из Шибеника, являвшегося директором местного медицинского центра. Фигура эта была отнюдь не случайной: он проявил себя ещё в

период так называемой Хорватской весны. Рашкович воспринимал хорватское националистическое движение «маспок» как угрозу, полагая, что хорватские националисты, если бы не вмешательство властей, «устроили бы над сербами новый геноцид» [4, с. 120]. В то же время он активно сотрудничал с сербским культурным обществом «Просвета», а после его закрытия властями открыто заявлял о неспособности государства обеспечить развитие сербской культуры в Хорватии, в том числе в спорах с представителями хорватского политического руководства [4, с. 121-122]. С середины 1970-х годов он сблизился с сербскими диссидентами, в первую очередь с писателем Добрицей Чосичем, которого называл своим «духовным братом» и «самым близким другом», и начал критиковать югославский социализм, требуя либерализации режима [4, с. 123-124].

Учредительное собрание вновь созданной Сербской демократической партии (СДП) состоялось на площади перед железнодорожным вокзалом в Книне 17 февраля 1990 г.; на нём присутствовало 7000 человек. С программной речью выступил Й. Рашкович, много внимания уделивший необходимости демократических и либеральных реформ внутри Югославии. В своём выступлении он подчеркивал, что «последовательным уважением основных прав человека и гражданина, упразднением монополии на власть и установлением демократического порядка уменьшилась бы возможность постоянных злоупотреблений нерешённым национальным вопросом» [5, s. 10]. Однако партийный плюрализм в республике, как его понимают хорватские силы (включая реформированный Союз коммунистов), оборачивается, по мнению Рашковича, «хорватоцентричным этномонизмом» – то есть, по сути, той же монополией, но уже на национальной основе. Он предупреждал, что такая «западняя» угрожает и сербскому народу в Хорватии [5, s. 10]. В то же время, рассуждая о возможном будущем как всей страны, так и республики Хорватия, лидер Сербской демократической партии выступает за идею федерализма, которая должна быть принята «всеми народами, образующими Югославию». При этом он предупреждал об опасности автономных краёв, созданных по советской модели, указывая на примеры Нагорного Карабаха и Косова, «из-за которых проливается человеческая кровь», но допускал создание новых автономий только в рамках федеративных единиц, «если население на территориях с особым этническим составом или культурно-исторической идентичностью решит это на референдуме» [5, s. 11]. В течение последующих месяцев СДП сосредоточилась на организации своих отделений, то есть на пространственном расширении партии.

В то же время в политических процессах, происходивших внутри Югославии, наблюдалась определённая двойственность: для новых политических сил и движений была характерна критика действовавшей однопартийной власти и социализма при апелляции к необходимости широких демократических и либеральных реформ, однако многие из этих оппозиционных партий выступали под национальными знаменами, тем самым отвергая саму возможность учитывать интересы других народов. Несмотря на это, на первых порах существовала практика, когда представители новых партий приглашали на свои собрания других деятелей «оппозиции». Однако в ответ на приглашение Ф. Туджмана посетить планировавшийся на 24 и 25 февраля 1990 г. в Загребе Первый общий съезд Хорватского демократического содружества (HDZ) Й. Рашкович написал развёрнутое письмо, в котором объяснил невозможность своего присутствия целым рядом соображений: во-первых, лидер СДП критиковал избранные Ф. Туджманом территориальные принципы и заявлял, что их подход «оставляет территориальную структуру в тени высоких сомнений», поскольку они используют этнический принцип там, где это выгодно хорватам, и исторический – там, где это ущемляет интересы сербского населения. Во-вторых, он провёл онтологическое различие между своим движением и хорватским, утверждая, что его партия ставит «свободу как условие нации», тогда как оппоненты превращают «нацию в условие свободы», и называет принцип народности устаревшим, «составившим основу нацистской и фашистской практики» [5, s. 11]. В-третьих, он указал на агрессивную сербофобскую риторику на хорватских собраниях, где «раздаются бандитские и геноцидные призывы», а атмосфера напоминает «мюнхенские пивные» [5, s. 11].

Несмотря на настороженное отношение сербов Хорватии, первые многопартийные выборы в Хорватии, состоявшиеся в апреле–мае 1990 года, принесли убедительную победу Хорватскому демократическому содружеству (ХДС) Франьо Туджмана, которое получило 42% голосов и, благодаря мажоритарной системе, завоевало 205 из 351 места в парламенте [3, с.116-117.]. Его политический оппонент, член Президиума Югославии от социалистической Хорватии Стипе Шувар характеризуя предвыборную кампанию Ф. Туджмана подметил, что он «не хотел даже упоминать сербов, пренебрегая тем фактом, что они составляют почти пятую часть хорватского населения. Он говорил о хорватах и «прочем населении». И лишь позже начал упоминать евреев, чехов, итальянцев, венгров, чтобы потом, сквозь зубы, добавить и сербов» [6, с. 394]. Бывшие коммунисты (СКХ–СДП) во главе с Ивицей Рачаном набрали 26% голосов и 107 мест, перейдя в оппозицию, а Сербская демократическая партия (СДП) получила 1,6% голосов и 4 места в парламенте [3, с.116-117.], получив мандаты и большинство в собраниях общин Книн, Грачац и Дони-Лапац. Собственно говоря, за партию Й. Рашковича проголосовало более 300 тыс. человек отдали голоса за сербскую партию, из-за мажоритарной системы и особенностей проживания сербского населения (во многих избирательных округах сербы не составляли большинства населения, что стало серьезным фактором, повлиявшим на итоги голосования) [3, с.120.]. На тот момент в Хорватии по данным переписи проживало 581 663 этнических сербов.

После выборов, принесших решительную победу ХДС, по инициативе Й. Рашковича состоялась встреча с Ф. Туджманом. Во время беседы лидер СДП озвучил тезис, согласно которому проблема сербов в Хорватии – это не вопрос меньшинства, поскольку сербы веками жили вместе с хорватами и участвовали в строительстве хорватской государственности. В свою очередь, Ф. Туджман недвусмысленно обозначил свою позицию, заявив о том, что не допустит никакого иного государственного суверенитета, кроме хорватского. Другими словами, Хорватия будет государством только хорватов [7, с. 233].

Параллельно с процессами нового государственного строительства происходила консолидация сербского населения Хорватии. 27 июня 1990 г. Скупщина общины Книн завершила создание Содружества шести общин Лики и Северной Далмации – Книн, Бенковац, Обровац, Дони-Лапац, Грачац и Титова-Кореница. Целью объединения было создание единого экономического пространства, скоординированной региональной политики и экономического подъёма менее развитых общин. При этом подчёркивалось, что задачи объединения – не угрожать суверенитету или экономическим процессам Республики Хорватии, а укреплять её экономическую мощь [2, с. 137.].

1 июля состоялось официальное провозглашение создания Содружества. В своей торжественной речи Й. Рашкович отметил: «Мы здесь и потому, что сербское имя пятьдесят лет было заковано в тёмные сундуки зла и тёмные сундуки лжи. Мы здесь потому, что сербство всё ещё под покрывалами, потому что мы должны снять с сербства все ложные покрывала, которые нам устроили, которые нам навязали. Спасибо вам. Это ваша земля, и нет силы, и нет мощи, и нет системы, и нет режима, и нет государства, которое может отнять вашу землю» [8, с. 32].

Выступая на Народном соборе в Бели-Манастире 22 июля 1990 г., Йован Рашкович говорил о том, что сербский народ равноправен с хорватским народом и хочет жить в современной демократической Хорватии при условии получения автономии. «Сербская современная автономия, которую мы требуем, – это автономия, которых уже, самое меньшее, четыреста-пятьсот существует в Европе. Это – современная автономия, а нам приписывают, что мы хотим разбить на кусочки тело хорватского государства. Сербская автономия в Хорватии не является антихорватской, но совершенно точно, что сербская автономия в Хорватии – антифашистская» [2, с. 139].

Несмотря на заверения Ф. Туджмана, дальнейшие его шаги уже в качестве председателя Президиума республики Хорватии скорее свидетельствовали о том, что сербские предостережения не были услышаны. 25 июля 1990 г. в парламенте Хорватии были приняты конституционные поправки (Амандманы LXIV–LXXV), которые с одной стороны фактически означали

разрыв с СФРЮ (республика перестала быть «социалистической», а вместо звезды вводились исторический герб и флаг с шаховницей), а с другой стороны устанавливали историческую преемственность хорватского государства. Однако для сербов это стало тревожным сигналом, поскольку новые государственные символы ассоциировались у них с усташской символикой времён Второй мировой войны, когда на территории Независимого государства Хорватия осуществлялся геноцид сербского населения. Упомянутыми поправками хорватский язык был введён в качестве официального языка (вместо прежнего хорватско-сербского) и латиница (наряду с которой допускалось использование кириллицы в районах с преимущественно сербским населением). Во время подготовки поправок в Конституцию Й. Рашкович беспощадно их критиковал, поскольку, по его мнению, «эти поправки снова и снова трактуют сербский народ в Хорватии как дестабилизирующий фактор. Они хотят оттеснить его с политической, с человеческой и с общественной сцены, они хотят быть сами или, если существуют сербы, чтобы это были послушные сербы, которые в любой момент уберутся с пути хорватской государственности» [9, с. 38.]. При этом ключевое требование СДП – не создание отдельного сербского государства в Хорватии (или края наподобие Воеводины или Косова), а предоставление современной автономии сербскому населению (национально-территориальной) – так и не было учтено.

Накануне принятия амандманов 23 июля по инициативе Й. Рашковича произошла вторая беседа с Ф. Туджманом, ставшая достоянием широкой общественности, поскольку разговор между ними был опубликован в прессе по инициативе хорватской стороны. Сам Й. Рашкович в своих записках отмечал, что тем самым «им было важнее унижить меня, чем сделать меня ненавистным народу. А они сделали бы меня ненавистным народу, если бы промолчали, если бы не плевали на меня, тогда мой народ понял бы по их отношению ко мне, как они ко мне относятся, – что это подвох» [7, с. 272]. Российский историк Е. Ю. Гуськова обращает внимание не на скандал вокруг публикации беседы двух политиков, а видит в этом диалоге утраченную возможность «вариантности развития событий в Хорватии» [2, с. 140]. Пожалуй, наиболее важной частью разговора было то, что лидер СДП пытался убедить Ф. Туджмана в необходимости ввести в Конституцию раздел о праве сербского народа на свой язык и на культурную автономию в рамках хорватского государства, а также отдельно высказывал опасения по поводу популярности усташского движения среди хорватов. Постоянные отсылки Йована к временам Независимого государства Хорватия носили не случайный характер. Трагедия сербского народа в Хорватии не была для Рашковича абстракцией – он пережил её на собственной семье. В 1941 году усташа объявили его отца, видного адвоката, врагом государства и назначили награду за его голову. Когда по окрестностям Книна прокатилась волна убийств, семья бежала в Далмацию, оккупированную итальянцами. В стенах Кркского монастыря, где он скрывался, молодой Рашкович стал свидетелем того, как усташа расправлялись с беззащитными сербами; этот опыт наложил глубокий отпечаток на его мировоззрение [4, с. 120].

25 июля 1990 г. в селе Срб (Лика) состоялся Сабор – массовое собрание хорватских сербов, на котором учреждались высшие органы власти для сербских общин в Хорватии – Сербский Сабор как представительный орган и Сербское национальное вече (СНВ), на первом заседании которого 31 июля 1990 г. Йован Рашкович произнес в том числе следующие слова в адрес действующих властей Хорватии: «эта новая власть не оправдала ожиданий сербов. Мы ожидали, что наконец, если не из доктринальных, то хотя бы из практических соображений для сохранения единства и совместной жизни сербского и хорватского народов на этих территориях, эта власть займёт примирительную позицию по отношению к сербскому народу. Были некоторые намёки, что это произойдёт, но чем больше времени проходит, тем больше утверждается факт, что старая мысль хорватской национальной политики не изменится и что ХДС, а особенно хорватский парламент, который на самом деле является инструментом и оружием ХДС, не соглашается на некоторые уступки сербскому народу» [10, с. 51].

Наступивший кризис вылился в т.н. «революцию бревен», когда сербское население стало перекрывать дороги, ведущие к общинам с преимущественно сербским населением для того, чтобы не допустить в них милицию, посланную Загребом для наведения порядка. С. Шувар следующим образом охарактеризовал произошедшее: «Йован Рашкович и другие вокруг него

– встревоженные интеллектуалы и полуинтеллектуалы – требовали лишь культурной автономии и особого сообщества пяти-шести общин вокруг Книна, но их очерняли и высмеивали. Сербам угрожали всеми способами, а затем из Загреба направили милицию в некоторые общины с выраженным сербским большинством, чтобы изъять оружие резервного состава тамошней милиции. И разразилась "революция брёвен", которая затем стала поводом и для многого другого...» [6, S. 394].

Таким образом, прошедшие многопартийные выборы не только не послужили выходом для Хорватии из кризиса, а лишь подтолкнули к его эскалации. 21 декабря 1990 г., за день до утверждения хорватской конституции, было провозглашено создание Сербской Автономной Области Краина и принят её устав. Она определялась как «вид территориальной автономии в составе Республики Хорватии». Целью создания автономии провозглашалась гарантия национального равноправия, «исторической и культурной идентичности сербского народа на исторических территориях Далмации и Военной Границы, которые находятся в составе Республики Хорватия в рамках Федеративной Югославии» [11, s. 121]. Следующим шагом стало принятие новой «рождественской» конституции республики Хорватия. В ней республика Хорватия была определена как «национальное государство хорватского народа и государство представителей иных народов и меньшинств, которые являются её гражданами: сербов, мусульман, словенцев, чехов, словаков, итальянцев, венгров, евреев и других, которым гарантируется равноправие с гражданами хорватской национальности и осуществление национальных прав в соответствии с демократическими нормами ООН и стран свободного мира» [12, s. 3]. Таким образом, согласно новой конституции сербы получили статус национального меньшинства. Этот шаг со стороны новых хорватских властей явно напоминал сербам и времена «массового движения» 60-70х гг. XX в. На фоне процессов дезинтеграции Югославии сербы не хотели смириться с потерей статуса «государствообразующей нации», который они имели в СФРЮ [13, с. 44]. Хорваты стремились любой ценой утвердить этот статус для себя, сохранить целостность территории и осуществить свою вековую мечту обретения государственного суверенитета. При этом модель государственно-территориального устройства подразумевала создание унитарной республики, то есть никакой речи о какой-либо степени автономии для сербского народа не говорилось.

На состоявшемся 29 января 1991 г. заседании Сербской демократической партии в Шибенике Й. Рашкович констатировал распад Югославии. В его речи мы видим явное изменение его политической позиции в новых условиях: «мы подчёркиваем, что Хорватия может отделиться и сформироваться как самостоятельное государство, но без исторических и этнических сербских территорий. Остаточная Югославия получит новую энергию, которую сможет построить в европейские процессы. Однако, несмотря на всё это, судьбу Югославии не могут решать национальные партии, которые завоевали власть в югославских республиках, и не сами республики как государства, а каждый югославский народ в отдельности, включая целостный сербский народ» [14, s. 130]. Этот тезис, на наш взгляд, является совершенно новым в мировоззрении Й. Рашковича: если до этого практически в каждой своей речи он апеллировал к общему историческому прошлому хорватского и сербского народа и не возражал против независимости Хорватии, то теперь лидер СДП заговорил не только об отделении населённых сербами территорий Хорватии, но и о создании Великой Сербии или «остаточной Югославии», как было упомянуто выше.

На фоне процессов распада Югославии и политики властей Хорватии, намеревавшихся бороться за независимость всеми возможными силами, военный конфликт между сербами и хорватами становился неизбежным. Подобная точка зрения, высказанная Й. Рашковичем, явно свидетельствовала о решимости хорватских сербов бороться за свои права при помощи оружия. Весьма показательно в данном контексте вспомнить, как сам он характеризовал свою собственную роль в тех событиях: «Вся моя "головокружительная карьера" – от психиатра, погружённого в свои размышления, и человека, который хочет скрыться от собственной судьбы, до известного "лидера" сербов не только в Хорватии, но и в Боснии и Герцеговине – покоится на этой бессознательной онтологической коммуникации. На всех этих собраниях я был для них

клапаном для высвобождения всех бессознательных нагрузок, всего, что нарушало их душевный покой и уменьшало их самоуважение» [7, с. 354]. В дальнейшей судьбе Рашковича сыграли роль и определённая политическая борьба внутри самой партии. С одной стороны, все большее влияние и популярность стал завоевывать Милан Бабич, прошедший путь от главы медицинского центра г. Книн до поста первого президента Республики Сербская Краина, и занявшего пост председателем СДП. С другой стороны, милиционер из г. Книна Милан Мартич проявил себя как организатор местных сил обороны. Последний через некоторое время стал не только военным лидером, но и занял определённую политическую позицию, став президентом РСК в 1994 г. Каждый из предлагал разное видение разрешения сербско-хорватского конфликта и по-разному выстраивал отношения с Белградом [15, с. 153]. В то же время определённые личные обстоятельства повлияли на решение Рашковича об уходе из активной политики: несмотря на установленную защиту со стороны хорватской полиции, ему постоянно поступали угрозы, последней каплей, переполнившей его терпение, стало нападения на дочь в Загребе. Рашкович в условиях разраставшегося конфликта в Хорватии принял решение устроиться на работу в Белграде и переехал туда. Фактически тем самым создатель СДП «самоизолировался» и «превратил себя в советника на заднем плане» [16, р. 290]. Хотя он и продолжал периодически посещать регион, жизнь за пределами Хорватии и Краины неизбежно привела к снижению его политического влияния и актуальности; хорватские сербы стали нуждаться в новых лидерах. После начала военных действий на территории Хорватии, дом Рашковича был заминирован и взорван [17, с. 361].

Выводы и заключение

Политическая деятельность Йована Рашковича в 1990–1991 гг. являлась важной вехой в самоопределении сербского народа, выраженного на первых порах в создании Сербской демократической партии (СДП). Й. Рашкович стоял на позиции мирного решения сербского вопроса в Хорватии. В его политических выступлениях и позиции можно выделить три главных положения: борьба за культурно-территориальную автономию сербов в составе Хорватии, категорическое неприятие возрождения усташской идеологии в том или ином виде, сохранение единства страны (Югославии). Рашкович неоднократно подчёркивал, что сербы в Хорватии – это не национальное меньшинство, а народ, веками живший на этих территориях и участвовавший в строительстве хорватской государственности. Его формула «свобода как условие нации» противопоставлялась хорватскому подходу, превращавшему «нацию в условие свободы», что, по мнению лидера СДП, вело к повторению печального исторического опыта, связанного с событиями Второй мировой войны и существования Независимого государства Хорватия.

Однако курс хорватского руководства во главе с Франьо Туджманом на создание унитарного «национального государства хорватского народа» делал компромисс невозможным. Принятые конституционные поправки летом 1990 г., а затем и новая «рождественская» конституция декабря 1990 г. лишили сербов статуса государствообразующей нации, низведя их до положения национального меньшинства. Подобные решения лишь подогревали назревавший конфликт между сербами и хорватами, подталкивая тех и других к вооружённому противостоянию.

Библиография

1. Bilandžić D. Hrvatska moderna povjest. Zagreb: Golden marketing, 1999. 952 s. ISBN 978-953-616-8507.
2. Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990–2000). Москва: Русское право / Русский национальный фонд, 2001. 720 с. ISBN 5-94191-003-7.

3. Пивоваренко А. А. Хорватия: история, политика, идеология. Конец XX – начало XXI века. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 408 с. ISBN 978-5-7576-0397-1.
4. Смирнов А. В. Политический портрет Йована Рашковича в 1970–1976 гг. // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 112–132. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.06.
5. Programski ciljevi Srpske demokratske stranke i rezolucija o Kosovu, usvojeni na osnivačkom skupu u Kninu 17. veljače 1990. // Republika Hrvatska I Domovinski rat 1990–1995. Dokumenti. Dokumenti institucija pobunjenih Srba u Republici Hrvatskoj (1990–1991) / uredio Mate Rupiće. Zagreb–Slavonski Brod, 2007. Knjiga 2. S. 7–11.
6. Šuvar S. Historia tragicomica. Zagreb: Razlog, 2013. 480 s. ISBN 978-953-6985-18-0.
7. Rašković J. Luda zemlja. Beograd: Akvarijus, 1990. 400 s. ISBN 86-7503-015-0.
8. Stenogrami govora srpskih čelnika na proslavi kod crkve Lazarica u Kosovu, gdje je proglašeno osnivanje Zajednice općina Sjeverna Dalmacija i Lika // Republika Hrvatska I Domovinski rat 1990–1995. Dokumenti. Dokumenti institucija pobunjenih Srba u Republici Hrvatskoj (1990–1991) / uredio Mate Rupiće. Zagreb–Slavonski Brod, 2007. Knjiga 2. S. 31–33.
9. Stenogram govora dr. Milana Babića, Dušana Zelembabe i Jovana Raškovića prilikom rasprave o amandmanima na Ustav Republike Hrvatske // Republika Hrvatska I Domovinski rat 1990–1995. Dokumenti. Dokumenti institucija pobunjenih Srba u Republici Hrvatskoj (1990–1991) / uredio Mate Rupiće. Zagreb–Slavonski Brod, 2007. Knjiga 2. S. 36–38.
10. Zapisnik 1. sjednice Srpskog nacionalnog vijeća // Republika Hrvatska I Domovinski rat 1990–1995. Dokumenti. Dokumenti institucija pobunjenih Srba u Republici Hrvatskoj (1990–1991) / uredio Mate Rupiće. Zagreb–Slavonski Brod, 2007. Knjiga 2. S. 47–56.
11. Statut “Srpske autonomne oblasti Krajina” // Republika Hrvatska I Domovinski rat 1990–1995. Dokumenti. Dokumenti institucija pobunjenih Srba u Republici Hrvatskoj (1990–1991) / uredio Mate Rupiće. Zagreb–Slavonski Brod, 2007. Knjiga 2. S. 120–124.
12. Ustav republike Hrvatske // Narodne novine. 1990. Broj 56 (22. prosinca). S. 3–10.
13. Мартынова М. Ю. Взгляд этнолога: этнический фактор в процессе распада // Распад Югославии: тридцать лет спустя : коллективная монография / отв. редактор и сост. С. А. Романенко ; ИНИОН РАН. Москва, 2024. С. 40–56. ISBN 978-5-248-01084-4.
14. Poziv na sastanak Glavnog odbora Srpske demokratske stranke na kojemu će se raspravljati o aktualnim političkim prilikama u Hrvatskoj i Jugoslaviji, mogućem raspletu krize i načinu organiziranja srpskog naroda u Hrvatskoj, te organizacijska pitanja SDS-a // Republika Hrvatska I Domovinski rat 1990–1995. Dokumenti. Dokumenti institucija pobunjenih Srba u Republici Hrvatskoj (1990–1991) / uredio Mate Rupiće. Zagreb–Slavonski Brod, 2007. Knjiga 2. S. 127–132.
15. Секулич М. Книн пал в Белграде. Почему погибла Сербская Краина / отв. ред. к. и. н. Г. Н. Энгельгардт ; Центр стратегических оценок и прогнозов, Институт славяноведения РАН. Москва : АНО ЦСОиП, 2019. 388 с. ISBN 978-5-906661-25-8.
16. Hayball H. J. Serbia and the Serbian Rebellion in Croatia 1990–1991 : Doctoral thesis. London: Goldsmiths University of London, 2015. 380 p.
17. Ћосић Д. Човек који је себе следио и само на себе личио // Душа и слобода. Нови Сад, 1995. С. 357–369. ISBN 86-431-0046-5.

Поступила в редакцию: 29.06.26

Принята к публикации: 20.07.26